

АМИНА ВОЛКОВА

РАЗВОД
с предателем.

ГОРСКИЙ МИЛЛИАРДЕР
выбрал меня!

Амина Волкова

**Развод с предателем. Горский
миллиардер выбрал меня!**

«Автор»

2026

Волкова А.

Развод с предателем. Горский миллиардер выбрал меня! /
А. Волкова — «Автор», 2026

На поминках отца муж объявил, что семейный ресторан теперь принадлежит ему. А его мать сунула мне ключи от кладовой.— Будешь мыть посуду, Марьяна. Мадина станет новой хозяйкой! Любовница уже носила мой халат, свекровь подделала подпись под отказом от наследства, а Давид продавал отцовские рецепты. Я осталась без дома, денег и права на собственное имя. Но однажды в ресторан вошёл Руслан Кайтагов — богатый, опасный хозяин горных отелей. Семь лет назад я спасла его в метель чашкой чая. Он помнит. Теперь Руслан предлагает вернуть мне всё. Какую цену потребует горский злодей за помощь? И смогу ли я снова довериться мужчине?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Амина Волкова

Развод с предателем. Горский миллиардер выбрал меня!

Глава 1

У плова застыл жир. Я смотрела на белую корочку по краю блюда и думала, что папа велел бы немедленно унести его на кухню. Сегодня никто не торопился исполнять его правила.

Я стояла посреди зала ресторана «Кайгородов», того самого, где пять лет назад отмечали нашу с Давидом свадьбу, а теперь поминали человека, который его построил. Гости — партнёры, поставщики, дальняя родня — жевали плов молча. Приборы постукивали о тарелки. Несколько гостей поглядывали на меня: пора сказать об отце. О завещании я тоже собиралась сказать — здесь, при людях, чтобы потом не могли отмахнуться.

Я сделала шаг вперёд, открывая рот, чтобы произнести главное: — Папа оставил мне... Амина перебила меня на первом слове. Она сидела во главе стола — на папином месте — и подняла руку, не выпуская салфетки. На фарфоре стукнуло её кольцо. Я ещё надеялась, что она попросит говорить громче, что гости просто не слышат. — Сядь, Марьяна. Не позорь память отца. Вилки остановились. Мне стало стыдно за собственный открытый рот; я закрыла его и посмотрела на Давида. Пять лет я привыкла искать у него поддержки, прежде чем спорить с его матерью. Он отделял мясо от риса, будто единственной неприятностью за столом была попавшаяся кость.

Она поднялась и обошла стол с моей стороны. Я уступила ей полшага: тяжёлые духи раздражали нос, хотелось чихнуть. Уступила — и сразу пожалела. Теперь она стояла передо мной так, что остальные видели только её спину. — Ты думала, этот ресторан твой? — прошипела она. Улыбалась одним уголком рта; я знала, что сейчас скажет что-нибудь мерзкое. Связку она вложила мне в ладонь и сжала мои пальцы поверх ключей. Один зубец больно упёрся в кожу. Я попыталась разжать руку, но она ещё держала. Получалось, будто мы просто прощаемся после поминок, а я зачем-то капризничаю. — Живи тут. Служи. Ресторан — Давида. Так надо. Семья кормит семью, а ты будешь кормить себя из кладовой.

Я знала каждый из этих ключей. Кладовая, шкаф с углём, служебный вход. От сейфа среди них не было. Даже на этом она сэкономила: работу мне оставляли всю, а папины документы получить не давали. — Завещание, — мой голос дрогнул, но я заставила себя говорить громко. — Отец хранил оригинал в сейфе в кабинете. Где он?

Дверь кабинета открылась. Вместо документов оттуда вышла Мадина. Моя «помощница по дому». Та самая девушка двадцати восьми лет, которая последние полгода ходила по кухне в халате отца и смеялась над моими рецептами. Она несла пустую картонную папку, перевязанную бечёвкой. Бечёвка была разрезана небрежно, концы торчали в разные стороны. — Ой, хозяйка, — Мадина захихикала, поправляя прядь волос. — Мы же переезжали. Все бумаги... ну, они потерялись. Или вымокли. Кто их знает?

Папку с документами они потеряли. Контракт на продажу папиного чая, лежавший перед Давидом, — почему-то нет. Я схватилась за стол, костяшки пальцев побелели. — Потерялись? — прошептала я. — На столе лежит контракт на закупку чая на следующий сезон. Подписанный вами. Вы уже договорились продать коллекцию отца? Всю? До последней веточки?

Давид поднял глаза, но контракт не убрал. Извиняться передо мной он так и не начал. — Марьян, ну сейчас-то зачем? — Давид наконец отложил вилку, но к листу с контрактом. — Люди пришли с отцом проститься. Маму пожалей хотя бы сегодня. От пачки у тарелки

он отделил лист и подвинул ко мне. Печать была поставлена аккуратно; место рядом с ней он придерживал пальцем, чтобы я заметила. Я ещё слушала его прощальную речь, а он уже ждал, когда можно будет дать мне ручку. — Здесь подпись нужна. Да, отказ от претензий. Я же сказал: потом разберёмся. Не хочешь, чтобы маму по судам таскали? Подпиши спокойно, никто тебя не торопит.

Лист держала за верхние углы, чтобы не задеть чужую печать. Прочла своё имя: «Я, Кайгородова Марьяна Аркадьевна, отказываюсь...» Сначала вернулась к началу — может, не так поняла. Потом посмотрела туда, куда Давид приложил палец. Внизу была подпись. Кайгородова. Буква «д» ушла влево, с длинным крючком, как в меню, которое Мадина исправляла по своему вкусу. У меня такого крючка никогда не было. Я поднесла лист ближе, и Давид тут же потянулся придерживать край: неужели он рассчитывал, что я и собственного почерка не узнаю? Давид подвигал ручку ближе. Ещё одну подпись к подделанной? Я не взяла её; ногтем придерживала лист возле чужого крючка. Пусть видит, на что я смотрю. — Это подделка, — выдохнула я. Голос сорвался в шёпот, жалкий и тонкий. — Что? — Амина наклонилась ближе, делая вид, что не расслышала. — Я сказала, это подделка! — крикнула я, отбрасывая листок.

За соседним столом мужчина потянулся к соли. Он услышал — я видела, как поднял голову, — и всё равно занялся тарелкой. Остальные тоже отвели глаза. Доказывать подлог мне предстояло людям, которые старательно не замечали лист у ног. Амина сжала запястье так, что кольцо вдавилось в кожу. Я не успела прикрыть руку рукавом; от локтя до плеча потянуло болью. — Ну уйдёшь. А куда? — Амина наклонилась к моему уху; гостям этого разговора слышать уже не полагалось. — За квартиру чем заплатишь? Работать к кому устроишься? Мы тебе комнату даём, а ты при всех руки выкручиваешь. Скажи спасибо, что после такого ещё разрешаем здесь остаться.

Я упёрлась пяткой в ножку стула. Амина дёрнула сильнее; запястье заболело так, что пришлось шагнуть за ней. Попросить кого-нибудь вмешаться я не успевала: нужно было хотя бы не упасть и не сделать им ещё одного развлечения. Мимо нас, неся поднос, прошла Мадина. — Чай горячий, гости уважаемые! — объявила она радостно. На подносе стояли стаканчики с дешёвой пакетированной заваркой. Коричневая жижа, пахнувшая пылью и химическими ароматизаторами «со вкусом лимона». — Фирменный сбор Кайгородова, — добавила она, подмигнув мне.

Я закрыла глаза, чтобы не смотреть на стаканчики. От лимонного ароматизатора саднило в носу. Эту заварку подали людям, которые приходили к отцу за его сборами. И называли его именем. Мне хотелось выбить поднос из рук Мадины. Амина толкнула меня в коридор, ведущий в служебное крыло. Дверь за спиной захлопнулась, отсекая шум зала, смех гостей, звук их приборов о фарфор. Здесь было темно, сыро и пахло плесенью. — Разбирайся, — бросила свекровь и ушла, цокая каблуками по линолеуму.

В коридоре пришлось остановиться и прижать ладонь к груди. Я дышала ртом, коротко, потому что нос заложило, хотя плакать ещё не начала. До кладовой дошла вдоль стены. Кто-то свалил туда старые стулья; между ними оставалось ровно столько места, чтобы просунуть ноги. На ящик села осторожно: крышка была треснута. Всё ждала, что сейчас откроется дверь и Давид скажет, что мать погорячилась. Привычка оказалась сильнее того, что я только что увидела. Но за дверью никто не шёл. И тогда я увидела его.

На верхней полке, между банками варенья, торчал кожаный уголок. Я сразу встала. Такую обложку папа шил сам и ругался, что игла не берёт двойной слой. Почему блокнот выбросили сюда, к таре? Может, просто не поняли, что это за вещь. Дотянулась со второй попытки: плечо после хватки Амины ныло. Кожаный край зацепился за банку, я придерживала её другой рукой и только потом сняла блокнот. На колени положила как горячий чайник — аккуратно, чтобы ни одной страницы не загнуть. Открыв наугад, я увидела аккуратные строки: «Смесь "Утро горы": 3 части зелёного, 1 часть мяты, щепотка сушёной вишни». Мятую он подчеркнул дважды.

Я помнила, как мы спорили над этой строчкой: мне хотелось добавить её побольше. Листая страницы быстрее, я добралась до конца. Последняя страница была исписана другим почерком. Неровным, торопливым. Чернила расплылись, будто по ним пролили воду или вино. «Марьяна, — писал отец. — Если случится беда, ищи Руслана. Он знает. Не бойся легенд. Бойся тишины.»

Под подписью расплылось красное пятно. Я потрогала его краешек: высохло давно. Вино или что-то ещё — не разобрать. Сначала захотелось оттереть и прочесть всё до конца, но имя Руслана я уже видела. Перечитала его, проверяя, нет ли рядом телефона или адреса. Руслан. В городе о нём говорили вполголоса, а отец написал так, будто посылал меня к старому знакомому. Все в городе знали Кайтагова. Хозяина горных отелей, человека с серпантинными дорогами и репутацией злодея. Легенды говорили, что он ломает людей одним взглядом. Что он опаснее любой лавины. Отец знал его. Отец доверял ему. Папку опустошили, коллекцию продавали. Но эту страницу они проглядели. Я водила пальцем по имени Руслана, пока не перестали дрожать руки.

Стиснула обложку, тут же отпустила: ноготь задел ладонь там, где её продавил ключ. Я спрятала руки между коленями. Амина плакала в коридоре, кому-то рассказывала, как тяжело остаться без кормильца. Папа кормил и её. Об этом она почему-то не говорила. В коридоре с ней спорили о расходах на поминки. Я слушала и старалась не думать, что за папиным столом ещё сидят гости, которым моя свекровь объявила себя единственной хозяйкой. Я спрятала блокнот под свитер и поднялась с ящика. Амина всё ещё плакала в коридоре; папиной дочерью на поминках выступала она. Проверила, не виден ли кожаный корешок из-под одежды. Я повторила имя про себя и проверила, на месте ли телефон. До утра номер не найду, но утром хотя бы будет понятно, с чего начать. Завтра я начну искать.

Глава 2

Из старых банок тянуло сладкой кислятиной. Нужно будет найти лопнувшую крышку, иначе запах впитается в упаковки чая. Я переступала с ноги на ногу у стеллажа: шестнадцать часов почти без передышки, а пересчёт ещё не закончен. Телефон вибрировал в фартуке. Мадина хотела отчёт о чаевых — словно я могла всю ночь заниматься только её отчётами.

Она вошла, не отрываясь от телефона, и села на коробку с дорогим чаем. Папа за такое выгнал бы из кладовой: крышка промнётся, банки внутри побьются. Я чуть не сказала это вслух, но вместо замечания положила перед ней пачку купюр. Хотела, чтобы она пересчитала сейчас, при мне, и потом не заявила о недостатке.

— Здесь всё, — мой голос сорвался, превратившись в хрип. — Проверь сама. Или посчитай при мне.

Мадина дочитала что-то на экране и наконец посмотрела на меня. Подняла брови. Купюр не коснулась, хотя я уже разложила их по номиналу: ей оставалось только проверить. Зато улыбнулась, и мне стало понятно, что разговора о деньгах сейчас не будет.

— При отце ты привыкла: «Марьянушка, оставь, я сам». Со мной так не будет. В отчёте недостатка — исправляй, а не тыкай мне деньги. Я сказала, что не сходится. Значит, не сходится. Давид разрешил тебе здесь жить, это не делает тебя хозяйкой. Ещё раз начнёшь спорить перед персоналом — сама ему объяснишь, почему я отказываюсь работать с тобой.

Хотелось взять эту коробку за край и скинуть её вместе с Мاديной на пол. Я даже переступила ближе. Потом кольнуло в боку, и злость пришлось проглотить: для драки я была слишком усталой, а для их веселья — в самый раз. Собрала купюры, отодвинулась к полке и спрятала лицо, пока не перестали щипать глаза.

Следом пришёл Давид. Его чистая рубашка бросилась в глаза раньше лица: мне бы сейчас такую, без чайных пятен, хотя бы на полчаса. Он разглядывал упаковки, приподнимал крышки. Я следила за его руками и ждала, когда очередную банку он поставит не на ту полку.

— Завтра эти банки заберут, — Давид показал на верхние полки. — Покупатели из города. Дают хорошо, больше здесь всё равно не получим. Подготовь коробки. Нет, оставлять несколько любимых сортов не надо. Коллекцию продаём целиком.

Я придержала открытую банку, хотя уже можно было поставить на полку. В ней был чай из последней папиной закупки. Он до смерти ещё не успел показать мне, какой воды требует этот лист.

— Давид, это папина коллекция. Он её не для твоих долгов собирал. — Я поставила банку перед ним, чтобы хотя бы посмотрел на ярлык. — Завещание ты мне не показал. С чего решил, что можешь всё продавать?

Он задержался на моём лице, но я напрасно искала прежнее смущение. Посмотрел на фартук, на грязные манжеты, поправил свои. Я была удобным объяснением любой неудачи ресторана: и товар не тот, и жена не справляется, и денег ему всё время не хватает.

— Мне показал бы отец — я показал бы тебе. Нету бумаги, сколько повторять? Поставщикам платить надо, зарплату выдавать надо. Или ты согласна одна содержать ресторан? Очень удобно любить память папы за чужой счёт. Хочешь — позову юриста, он объяснит твоим родным, чего стоит эта коллекция и чего стоишь ты после такой истерики.

Он знал, что я стыжусь рассказывать о нашем браке. Что даже сейчас, с пачкой отнятых чаевых в руке, могу испугаться слова «репутация».

После него дверь осталась открытой. Сквозняк шевелил ярлыки на коробках. Банку с зелёным чаем я пыталась открыть дважды, потом прижала крышку через полотенце: руки тряслись. Нужно было закончить опись до вывоза. Пусть хотя бы останется список того, что они забрали.

В дальнем углу, за ящиком с чайными ложками, я наткнулась на старую картонную коробку. Этикетка выплела, но я узнала почерк отца. «Для Марьяны». Внутри не было чая. Только пустота. И клочок бумаги, сложенный вчетверо. Развернув его, я увидела знакомый, слегка неровный почерк: «Доверься тому, кто знает горы». Снова горы. Снова ни адреса, ни телефона. Папа, почему ты не мог прямо написать, к кому идти? Я сунула записку к блокноту.

Утро началось с грохота грузовика у служебного входа. Я выбежала в кухню, еще в грязном фартуке, с волосами, стянутыми в небрежный узел. Курьер уже грузил первые коробки.

— Стойте! — крикнула я, бросаясь к двери.

Но Давид перехватил меня за локоть. Его хватка была железной. Он потащил меня назад, в темный коридор, где пахло плесенью и старым жиром.

— Замолчи, люди смотрят, — сказал он у самого уха и не отпустил локоть. — Сейчас выбежишь за машиной, я всем расскажу, как ты на покупателей бросалась. Тебя ведь никто не поддержит. Скажут: бедный Давид, жена после похорон не в себе. И адвоката мне найди, который станет слушать тебя бесплатно.

Курьер захлопнул багажник. Звук удара металла о металл эхом отдался в моей голове. В кузове уехали банки, которые мы с отцом подписывали вдвоём. На последней я нарисовала кривой цветок — теперь даже его не увижу. Я сползла по стене, чувствуя, как колени становятся ватными. Губа болела. Я провела языком по уголку рта — вкус железа. Во рту была кровь. Когда он тащил меня, я ударилась о косяк. Он даже не заметил. Или сделал вид.

У косяка я ударилась ещё и боком. На улице шла медленно, придерживая его ладонью; свитер натянула до самых костяшек. Телефон вынула, набрала скорую и сбросила, когда представила первый вопрос. До аптеки доберусь сама. Только бы сейчас не встретить кого-то из папиных гостей, которые могут спросить, как мы держимся.

В аптеке фармацевт, женщина лет пятидесяти с усталыми глазами, внимательно осмотрела мои запястья.

— Вам нужно заявление в полицию, девушка, — тихо сказала она, протягивая мазь. — И к врачу зайдите. Мазь не заменит осмотр.

— Это домашнее дело, — ответила я автоматически, пряча руки в карманы. Страх огласки парализовал. Если я подам заявление, они заберут дом. Если молчу — они заберут всё остальное.

В папиной квартире пошла прямо к шкафу: нужно переодеться, а не сидеть возле него и опять плакать. Халат висел на прежнем месте. Мадина в нём ходила по кухне, и всё равно ткань ещё пахла папой. Я перебрала карманы перед стиркой, нашла сложенный лист и тут же достала из сумки блокнот.

Лист оказался продолжением рецепта «Белых облаков». На обороте отец оставил ещё несколько строк:

«Руслан обещал. Если меня не станет, он заберёт тебя. Но только если ты сама попросишь».

Я перечитала это три раза. Буквы расплывались перед глазами. «Сама попросишь». Даже на бумаге папа не решал за меня. Я сложила лист и вложила его в блокнот. Руслану позвонить страшно. Остаться здесь — уже страшнее.

К вечеру Амина позвала меня в гостиную. Давид уже сидел рядом с Мاديной, для меня оставили место напротив. Свекровь отодвинула салфетку и положила на свободную часть стола бумагу. Даже чашку не предложила: теперь мне полагалось сначала выслушать.

— Дома жить тебе больше незачем. Давид женится на Мадине, это уже решено. При ресторане есть комната, туда и переберёшься. На мойке всегда работа найдётся, голодной не оставим. Видишь, мы ещё по-хорошему с тобой. Подпиши, что согласна, и сегодня же можешь собирать вещи.

В бумаге было всё, кроме моего согласия. Даже комнату выбрали заранее. Давид женится — я мою за ними тарелки. Удобно устроились. Передо мной положили бумагу и ручку. Давид смотрел на меня с той же скучающей жестокостью. Мадина улыбалась, демонстрируя новые ногти.

Я уже взялась за ручку: скорее подписать, скорее уйти из-за стола. Даже прочитать остальное не собиралась. На коленях лежала сумка с папиной запиской. «Но только если ты сама попросишь». А я ничего такого не просила.

Отложила ручку подальше от края. Давид проследил за моей рукой, Амина перестала поправлять салфетку. Мне хотелось сказать им всё, но сначала нужно было не подписать. Ни одного слова на этой бумаге я сама не выбирала.

Я схватила бумагу за края. Первый рывок только помял её; на втором лист разошёлся до середины. Дорвала и положила обе половины перед Давидом.

— Я не буду подписывать, — сказала я спокойно. Голос не дрожал. — Я уйду сама. И вы пожалеете, что выпустили меня из кладовой.

Амина потянулась к обрывкам и убрала руку. Давид смотрел на них, потом на меня. Мадина ждала, что он скажет; улыбка ей больше не помогала.

Я вышла из гостиной, не оборачиваясь. Каждый шаг отдавался болью в боку, но я не останавливалась. Я взяла свою куртку, сумку с документами и записную книжку отца. Я не пошла в общежитие. Я направилась к автовокзалу.

В автобусе я выбрала место у окна, подальше от прохода. Блокнот держала на коленях под сумкой. От бензина и чужих курток мутило; каждый поворот отдавался в ушибленном боку. Я смотрела, как за стеклом заканчиваются дома, и прикидывала, хватит ли денег на обратный билет, если Руслан даже не захочет разговаривать.

Телефон загудел у бедра. Я проверила номер, не узнала. Обычно незнакомым не отвечала, но сообщение раскрыла сразу — вдруг что-то про документы.

«Вы забыли свой чай в кладовой. Или вы забыли себя? Жду вас на перевале. Р.»

Я посмотрела в окно, где тень горы накрыла дорогу. Пальцы сжались вокруг телефона. Я не ответила. Автобус ещё не прошёл последний городской поворот, когда я попросила водителя остановить. К нему я не поеду с пустыми руками: сначала заберу копию отказа. Пусть прочтёт, что они со мной сделали.

Глава 3

К трём часам ночи я вернулась в ресторан через служебный вход. После автобуса ещё мутило, но блокнот был в сумке, а нужная папка — в кабинете свекрови.

Сумку поставила возле ящика, достала булавку из фартука. К кабинету идти хотелось немедленно, но сначала постояла у своей двери, прислушиваясь. Даже если ничего не получится, нужно хотя бы увидеть, где они теперь держат бумаги. Сколько ещё я буду ждать, пока Давид сам их покажет?

Замок был старым, ржавым, с ключевой скважиной, уходящей вглубь дерева. Я просунула булавку, пальцы дрожали. Металл царапнул о металл, но механизм не сдался. Я навалилась плечом, толкнула дверь всем весом. Грохот эхом ударил по пустому залу ресторана. Ничего. Замок держал.

В булавке сломался кончик. Я вытащила остаток из замка и постояла, слушая ресторан. В малой гостиной ещё разговаривали. Давид носил ключ отдельно от общей связки; пиджак он обычно оставлял на стуле у колонны. Если повезёт, удастся хотя бы заглянуть в карман.

Мне нужно было попасть в зал. Не через парадную дверь, которая была на замке изнутри, а через кухню. Черный ход.

Кухня встретила меня тишиной и блеском стекла. Мадина стояла у раковины, протирая бокалы. Она даже не обернулась, когда я вошла, но её спина стала каменной стеной. — Чайник потеряла, — пробормотала я, делая вид, что шарю по полкам. Мой голос звучал жалко, чужеродно. Мне пришлось унижаться, чтобы пройти мимо неё. — Амина велела найти. Тот самый, с синими цветами. Мадина повернулась, держа бокал за ножку. Я остановилась, чтобы не столкнуться с её плечом. Улыбнулась она раньше, чем спросила о ключах, — будто уже знала, чем закончится наш разговор. — Амина тебе чайник искать велела? Или ключи? — Мадина оглядела пустые руки. — Кабинет не туда. Там счета, не твои картинки про листики. Попробуй на кухне поискать, раз так стараешься. Я отняла руку от полки. Чайник ей был безразличен — она всё это время ждала, куда я пойду. Мадина не позвала Давида, не схватила меня; снова занялась бокалом. Теперь пройти мимо неё было страшнее. Хотелось повернуть обратно, но за дверью кабинета оставалась папка с моей чужой подписью.

В малую гостиную пробралась вдоль стены. Давид стоял за колонной; свет ночника доходил только до его плеча. Сигарету держал привычно, двумя пальцами. Раньше мне нравился этот жест. Сейчас я разглядывала другое: куда он повесил пиджак и далеко ли от него отошёл.

Он говорил по телефону. Тихо, шепотом, но в тишине пустого зала каждое слово било по барабанным перепонкам. — ...Нет, он не возьмет без гарантий. Руслан Кайтагов не любит рискованных ставок. Ему нужен чай, а не история. Я остановилась прежде, чем скрипнула доска под ногой. Руслан. Человек из записок отца, от которого только что пришло сообщение. А Давид уже обсуждает, что ему предложить. Значит, тоже знает номер — и мне его не даёт.

Я сделала шаг вперед, протягивая руку к карману его пиджака, висевшего на спинке стула рядом. Пальцы почти коснулись ткани, когда Давид развернулся. Я замерла, вжимаясь в темноту за колонной. Он не заметил меня. Он потянулся к пиджаку за зажигалкой. Вместе с ней выдернул из кармана маленький металлический предмет. Бряцанье было тихим, но в мертвой тишине оно прозвучало как выстрел.

Ключ.

Он упал на пол. Не ко мне. Чуть ближе. К ногам человека, который возник из тени напротив. Амина остановилась у противоположной стороны колонны. Через щель между ней и креслом мы видели друг друга. Она опустила глаза на ключ, потом подняла на меня. Спрятаться было поздно. Я так и стояла с рукой, протянутой к пиджаку.

Давид услышал мать и ушёл в зал. Я следила за ключом, пока Амина подбирала его: сейчас уберёт в карман, опять не достану. Подняв ключ, она зажала его в ладони. Давид ушёл в зал, будто мать собиралась спросить меня только о немытой посуде. Я ждала крика и всё ещё надеялась, что успею сказать о бумагах. Она заговорила тихо, гораздо хуже крика: — Иди ложись. — Амина не спрятала ключ: держала у меня перед глазами. — Или позовём Давида и спросим, почему ты в кабинете шариишь. Я скажу, что полезла в кассу. Он-то поверит мне. Сколько раз уже объясняла тебе: ночью здесь делать нечего.

Хотела сказать, что кассу не трогала. Потом представила, как он выходит на её голос, хватает меня за руку и велит показать карманы. Там булавка. Хорошее получится доказательство: они даже придумывать ничего больше не станут. Я опустила руки и кивнула, будто собираюсь спать. Я молча развернулась и пошла прочь. Спина горела от её взгляда. Но когда я свернула за угол, в сторону кладовой, я услышала скрип. Кабинет Амины. Дверь осталась приоткрытой. Амина, видно, поверила моему послушному кивку. Ключ больше не звякнул; раньше она всегда запирала кабинет, даже если выходила ненадолго. Я задержалась за углом и прислушалась: она щёлкнула выключателем, а замком — нет.

В каморке не раздевалась. Легла поперёк ящика, следила за часами на телефоне; после каждого скрипа в коридоре гасила экран. Хотелось заснуть, а ещё сильнее — не проспать, когда они наконец уйдут. Когда город затих, я встала. Обувь шуршала по линолеуму. Коридор встретил меня холодом. Кабинет действительно был открыт. Щель в два пальца шириной. В кабинете я включила фонарик и опустила телефон к коленям. Так окна не засветятся с улицы. Сначала разглядела стол, потом ящики. Папины бумаги раньше лежали ближе к лампе; теперь это место занимали счета и меню.

Стол Амины был завален счетами, меню, контрактами на поставку продуктов. Я начала рыться в нижних ящиках. Пальцы перебирали холодные файлы, папки, чеки. Сердце колотилось так, что отдавало в ушах. Найди это. Найди чернила. И я нашла. Папка с красной полосой по краю. Надпись маркером: «Наследство». Руки тряслись, когда я открывала её. Внутри не было оригинала завещания отца. Не было того документа, который обещал мне свободу. Там лежала одна лишь копия. Отказ от наследства. Заверенный нотариусом. На копии стояла дата за месяц до смерти отца. Отказ от наследства — при живом наследодателе? Я сняла эту строку телефоном вместе с печатью.

Фонарик засветил подпись, и я отвела телефон немного вбок. На вид похоже: даже наклон букв скопировали. При таком свете сама едва не поверила. Этикетки, меню, заказы я подписывала каждый день. Свои буквы узнала бы и без фамилии сверху. Здесь кто-то пытался сделать их похожими, но не вспомнил, откуда я начинаю штрих. Буква «М». В слове «Марьяна». У меня она всегда начиналась с резкого вертикального штриха вверх, затем уходила в петлю. Здесь же «М» была округлой, мягкой, женственной. Чужой рукой выводили мою фамилию. Я достала из кармана блузки сложенный листок — фрагмент своей старой тетради с рецептами, которую спасла из отцовского дома. Приложила их рядом. Разница была минимальной, незаметной для постороннего глаза. Я столько лет подписывала эти рецепты, что чужой штрих замечала сразу; юристу придётся показать оба листа рядом.

И тут мой взгляд упал на печать внизу. Круглая, фиолетовая. Нотариальная контора города, расположенного в двухстах километрах отсюда. Я никогда не была в этой конторе. В указанный день работала на кухне: принимала партию чая и снимала упаковки для каталога. Фотографии с датами остались в телефоне. Пусть юрист сравнит — я сама уже боялась что-нибудь упустить.

Из-под двери легла полоска света. Я заслонила луч телефона ладонью. Кто-то шёл быстро, не стараясь ступать тише; в ящике у меня ещё лежала открытая папка. Голос. Низкий, мужской, знакомый до боли в костях. — Марьяна? Ты здесь?

Я подняла голову. Быстрые шаги Давида узнала ещё до двери: он не должен застать меня у ящика. Я схватила копию. В карман не помещалась: слишком маленький. На стол копию класть нельзя. Спрятала её за лифчик, прижав локтем к груди: край больно царапнул кожу. Погасила фонарик, подождала, пока перестанет звенеть в ушах, и вышла. Если Давид спросит, я искала папины записи. Это хотя бы правда. У двери остановилась на секунду.

Передо мной стоял не Руслан. Давид. Он опирался на косяк, скрестив руки на груди. Его лицо было спокойным, даже слишком. Та самая сладкая улыбка, от которой меня тошнило годами, играла уголками губ. Он смотрел не на мои глаза. Он смотрел на мою грудь. На выпирающий угол бумаги под тонкой тканью блузки. — Ну что, жена, много нашла? — Давид посмотрел на угол бумаги под блузкой. — Неудобно, наверное. Давай помогу вытащить, пока не помяла.

Я попятилась, но он сделал шаг навстречу. — Ты знал, — прошептала я. — Конечно, знал. Ты думаешь, мы не заметили, как ты целый вечер ходишь вокруг двери? Он протянул руку. Ладонь вверх. Жест требовательный, хозяйинский. — Отдай. — Нет. Давид перестал улыбаться. Ладонь оставил протянутой, загородив мне выход локтем. — Отдай копию и иди спать. Я не буду полицию вызывать — пока. А завтра могу сказать, что ты архив продаёшь какому-то приезжему. Мадина подтвердит, мама тоже. Ты ведь уже взяла бумагу? Вот и покажем, что сама подделываешь документы. Хочешь проверить, кого послушают? Или сразу врача вызвать, раз ты себе места не находишь?

Он всё ещё держал ладонь передо мной. Я могла отдать копию и сказать, что испугалась; могла попробовать протиснуться к двери. На телефоне оставались снимки, но Давид об этом не знал. Пусть не узнает. Край бумаги натирал под блузкой. Попробовала отступить ещё — за спиной оказался стол. Телефон держала в руке, но вызвать кого-нибудь при Давиде не успею: он стоит вплотную.

За плечом Давида в коридоре увидела чёрное пальто. Кто-то стоит у лестницы? На секунду я приняла пальто у лестницы за человека. Там никого не было: Давид повесил его на крючок. Некому вмешаться. Зато фотографии уже лежали в моём телефоне. Бумагу он может отнять; фотографии — только вместе с телефоном.

Давид снова протянул руку. Он коснулся моего подбородка холодными пальцами. — Ну же, Марьяна. Время уходит.

Глава 4

После ночного обыска он заставил меня выйти в зал, будто ничего не случилось. Копию забрал, телефон проверить не догадался. Я стояла у стойки и всё время касалась кармана фартука: на месте ли? Блузка была тесной после стирки, в воротнике натирало. Хотелось хоть одного часа без чужих глаз.

Руслана я узнала сразу. Официантки шептались о нём ещё до того, как он сел. Я помнила его другим — в тумане, с замёрзшими руками над пиалой. Сейчас он сидел в тёмном костюме, и с этим костюмом воспоминание никак не соединялось. Перед ним остывала нетронутая еда; он следил за тем, кто выходил из кухни.

Мадина скользнула к столу Кайтагова, ее лицо было натянуто в дежурную улыбку, которая не достигала глаз. В руках она несла фарфоровый чайник — тот самый, с золотой каймой, который отец держал только для VIP-гостей, но который Мадина использовала для всего подряд, лишь бы показать свой статус хозяйки.

— Господин Кайтагов, вам наш лучший сбор. — Мадина поставила поднос на край стола, задержалась возле него. — Бергамот, немного экзотики. Пробуйте, горячий ещё.

Он не потянулся за чашкой. Посмотрел на чайник, потом на Мадину, словно хотел убедиться, что это действительно подали ему, а не перепутали столы. Я ещё у стойки почуяла добавку. Лучше бы она не называла эту заварку папиным сбором.

— Бергамот я слышу. Остального не слышу, — сказал Руслан, не поднимая чашки. — Добавку лили? Я заказывал ваш чай. Кто здесь умеет его заваривать?

Лицо Мадины исказилось, краска схлынула с щек. Она развернулась к барной стойке, где я стояла, прижимаясь животом к холодному дереву, и крикнула резко: — Марьяна! Ты спятила? Принеси нормальную заварку! Или ты думаешь, что мы здесь благотворительность устраиваем?

Я вздрогнула и сжала край стойки. Стоило появиться важному гостю, Мадина всегда кричала на меня громче обычного. Давид, мой муж — пока ещё по документам, нынешний хозяин этой тюрьмы, подошел к столу Кайтагова. Он поправил манжету рубашки, скрывая нервозность за показной уверенностью. Теперь ему предстояло объяснить гостю, почему в чайнике оказалась дрянь; удобнее всего было указать на меня.

— Извините, господин Кайтагов. Она гостей вашего уровня редко обслуживает. — Давид улыбался Руслану, а смотрел на меня. — Жена моя... то есть сейчас работница. Растерялась. Марьяна, ты слышала вопрос? Отвечай, когда с тобой разговаривают.

Я знала, как он улыбается важным клиентам. Только раньше думала, что меня эта учтивость тоже защищает. Теперь он стоял между мной и гостем, выбирая, что мне разрешить сказать.

— Чайник убери, — Давид показал на поднос Мадины. Потом на книгу у меня возле стойки. — И вот это сюда принеси. Пусть господин Кайтагов видит, чем у нас работница занимается вместо дела. Она всё по старым тетрадкам учиться пытается.

Я накрыла книгу ладонью. Он хотел не посмотреть записи — выставить меня с ними перед гостем. После ночи уже знал, как просто отнять лист, который я не согласна отдавать. Может, опять сделает так же.

Я молча взяла книгу. Пальцы скользнули по корешку. Давид нетерпеливо махнул рукой, будто отгоняя муху, и толкнул меня локтем. Резко. Грубо. Книга вылетела из моих рук.

Книга ударилась о кафель, выпал вложенный лист. Я узнала запись про «Инь Чжэнь» раньше, чем смогла наклониться. На страницах уже осталось пятно от пола. Папа берег этот чай для коротких настоев, не позволял ни посуду грязную брать, ни воду повторно кипятить.

Давид хмыкнул, презрительно сморщив нос, и повернулся к Кайтагову, готовый снова улыбаться. Но улыбка замерла.

Руслан опустился на колени и поднял книгу с кафеля. Мне самой хотелось сделать это, но Давид загораживал дорогу. Руслан расправил загнутый лист, большим пальцем провёл вдоль сгиба. На его брюках осталось жирное пятно; он даже не посмотрел вниз.

— Почерк Аркадия Кайгородова, — произнес он, и в зале стало еще тише. Даже Мадина перестала дышать. Давид побледнел, его рот открылся, но звук не вышел.

— Вы... вы ошибаетесь, — пробормотал Давид, делая шаг назад. — Это... это старая запись. Никто не читает эти бредни.

Кайтагов выпрямился. Он держал книгу в одной руке, как трофей. Его взгляд прошел по залу и остановился на мне. Я стояла, впившись ногтями в ладони, чувствуя, как холодный пот стекает по спине.

— Этот чай варился семь лет назад, — сказал Руслан, глядя прямо в мои глаза. Я смотрела на него, стараясь вспомнить, как он тогда держал чашку. — На перевале Дагестанского хребта. Во время шторма. Электричества не было, и мы грели воду над костром из сухих ветвей можжевельника. Кто варил тогда?

Мадина сделала шаг ко мне. Она встала прямо между мной и столом. За её плечом Руслана уже не было видно; я отступила вбок, но Мадина тоже передвинулась. Она уже ухватила меня за плечо: ответить мне не давала.

— Отвернись! — Мадина уже тянула меня за плечо. — Слышала, Давид тебе что сказал? Иди на кухню, там работы полно. Ты гостя задерживаешь, не понимаешь?

Я дёрнулась в сторону стола. Мадина потащила к кухне, не ослабляя пальцев на плече. Там Давид опять скажет, что гости ничего не видели, а я всё придумала.

Руслан поднял свободную руку. Всего один жест. Ладонь вверх, пальцы чуть разведены.

Мадина замерла. Посмотрела на его ладонь и перестала тянуть меня. Руслан не опускал руку; я впервые смогла перестать пятиться к кухне.

Мадина медленно отпустила мое плечо. Ее рука соскользнула вниз, дрожа.

— Отпусти, — сказал Руслан. Одно слово. Тихо.

Он посмотрел на меня. Игнорируя Давида, который пытался вставить что-то о меню и ценах. Игнорируя Мадину, которая начала всхлипывать от унижения.

— Повтори, — потребовал он. Он говорил мне, хотя Давид всё ещё пытался перебить. — Тот самый вкус. С перевала.

Давид засмеялся. Смех получился нервным, лающим. — Господин Кайтагов, у нас нет такого чая. Весь элитный запас конфискован... то есть, продан оптом. Эта женщина может сварить вам только обычный пакетик за пять рублей. Если хотите, я принесу...

— Нет, — перебил Руслан, не отводя глаз от меня. — Она знает, где взять. Верно, Марьяна?

Он произнёс моё имя, и Давид перестал говорить за меня. Я ещё секунду ждала подвоха: меня действительно спрашивают, смогу ли заварить.

Я перестала перебирать фартук. Если он действительно хочет чай, надо заварить, а не ждать, когда Давид решит за меня. В голове уже сложилось, сколько листа нужно для одной пиалы. Оставалось добраться до шкафа.

У меня не было доступа к шкафу с дорогими листьями. Ключи у Мадины. Давид следил за каждым граммом веса, который уходил из кладовой. Но у меня была вода. И время. И память тела, которое помнит каждый этап заваривания.

— Я могу сделать это, — сказала я. Голос сорвался, но я прокашлялась и повторила тверже. — Но мне нужна чистая вода и возможность уйти на десять минут.

Давид усмехнулся, скривив губы. — Десять минут? Чтобы украсть последний сахар? Или чтобы написать заявление на развод? Сиди на месте, Марьяна. Гости ждут.

— Я жду, — сказал Руслан. Он сел обратно на стул, положив книгу на стол перед собой, как щит. — Жди, Давид. А ты, — он кивнул мне, — иди.

Глава 5

Я развернулась и пошла к подсобке. Шаг за шагом. Чувствуя, как спина горит от взглядов.

В кладовой пахло плесенью и старой бумагой. На петле шкафа с чаем висел навесной замок. Ключей на крючке не было — их унесла Мадина. Но дужка замка висела поверх петли, не защёлкнутая. Она сейчас была в зале, пытаясь восстановить репутацию после провала.

Мне нужен был человек у двери: хоть кто-нибудь, кто предупредит, если сюда пойдёт Мадина.

Я вышла в коридор, ведущий к кухне, и наткнулась на молодого официанта, Антона. Он тащил коробку с посудой. — Антон, помоги, пожалуйста, — сказала я, понизив голос. — Господин Кайтагов ждёт чай. Мне нужно зайти в кладовую. Постой у двери и скажи, если пойдёт Мадина.

Антон моргнул. Он знал, что я в опале. Но он также знал, кто такой Кайтагов. Страх перед легендой сильнее страха перед хозяйской женой. — Она же запретила, — прошептал он. — А он разрешил. Сам ей объяснишь, если надо будет? Антон поставил коробку и остался у входа.

Я скользнула обратно в кладовую и сняла незапертый замок с петли. Мадина привыкла, что одного её запрета достаточно.

Шкаф был приоткрыт. Щель в три сантиметра. Внутри, на нижней полке, лежали вскрытые пакеты с остатками дорогого улуна. Обломки листа и остатки на дне упаковок — покупатели такое не взяли.

Я просунула руку в щель. Пальцы нащупали фольгу. Сердце колотилось так сильно, что я боялась, его услышит весь ресторан. Я зачерпнула горсть. Немного. Достаточно для одной пиалы. Осторожно, чтобы не рассыпать.

Спрятав листья в карман фартука, я вернулась в зал. Антон кивнул мне и поднял свою коробку: Мадина не приходила.

Вода в котле закипела ровно в тот момент, когда я вошла. Я не стала ждать чайник. Я взяла самую маленькую стеклянную пиалу, которую удалось найти в стопке чистой посуды. Насыпала чай. Кипяток перелила в чистый кувшин и дала ему немного остыть, прежде чем заливать улун.

Настоять нужно было минуту. Ни секунды больше. И ни секунды меньше.

Мадина указывала Давиду на мою пиалу. Я посмотрела на цвет, проверила время ещё раз. Передержать сейчас — потом весь вечер будут рассказывать, как я испортила дорогой лист.

Я подошла к столу. Поставила пиалу перед Русланом. Чай имел цвет янтаря. Прозрачный. Чистый. Пар поднимался тонкой нитью.

Руслан не спешил пить. Он взял пиалу двумя руками, согревая ладони. Понюхал. Его ноздри расширились.

В зале было тихо. Так тихо, что я слышала, как капает конденсат с кондиционера.

Он отпил маленький глоток. Задержал жидкость во рту. Посмотрел на меня поверх края пиалы.

В эту минуту я пожалела, что не взяла ещё одну пиалу себе. Поднесла бы к губам, проверила вкус, знала бы, чего ждать. Вместо этого стояла перед ним с пустыми руками. Давид ждал рядом и уже готовил свою улыбку.

Но Руслан не поставил чашку. Он не произнес ни слова о вкусе.

Он замолчал, ещё держа пиалу. Я следила за краем — не морщится ли после глотка, не хочет ли оставить чай. Руслан смотрел на меня так пристально, что я вспомнила костёр на перевале. Там он тоже молчал долго, прежде чем смог заговорить.

— Это не твой чай, — сказал он наконец. Голос был хриплым.

Давид победно усмехнулся. — Видите? Я говорил, что она...

— Молчать, — бросил Руслан, не поворачивая головы. Давид захлопнул рот.

Руслан поставил пиалу на стол. Медленно. Аккуратно. — А где тот мастер с перевала? Семь лет назад, в метель. Я весь промёрз, не мог пальцы согнуть, а мне дали чашку и велели держать обеими руками. — Он посмотрел на мои ладони. — Такую заварку помню до сих пор. Кто тогда готовил?

Мои ноги подкосились. Я схватилась за край стола, чтобы не упасть.

Я смотрела на него и не могла ответить. Неужели он помнил именно мои руки? После семи лет, после свадьбы, после этой кладовой? На перевале я просто заварила чай так, как учил папа. Ни имени своего не сказала толком, ни о благодарности не думала.

— Это я, — прошептала я. Горло перехватило судорогой.

Руслан кивнул. Единожды. Решительно.

Он полез за визиткой. Давид перестал улыбаться и проследил за его рукой.

Руслан положил на стол визитку. Черный картон с серебряным тиснением. Никакого логотипа. Только номер телефона и одна строчка: Кайтагов Р.

Когда Руслан поднялся, Давид освободил ему проход. Только что стоял так, что я не могла обойти стол, а теперь даже стул отодвинул сам.

— Я заберу тебя отсюда, — сказал Руслан и в этот раз посмотрел на Давида. Тот хотел улыбнуться ему, но не смог. А я всё ещё стояла с рукой, которую только что держала Мадина, и слушала: это сказано вслух, при них обоих.

Он наклонился чуть ближе, снижая голос до шепота, который долетел только до меня. Запах его парфюма — кедр, табак и холодный ветер — ударил в голову, пьяняще и опасно.

— Но сначала ты научишься торговаться за себя. Потому что я не беру даром. И не терплю слабых.

Руслан ушёл, не дождавшись, пока Давид снова заговорит. Я слушала его шаги до двери. Визитка лежала на столе; забрала её раньше, чем Мадина могла приказать мне убрать за гостем.

Я осталась стоять у стола, перечитывая номер на визитке. В кармане шуршала пустая фольга из-под чая. Теперь было кому позвонить.

На следующий день я позвонила по визитке. Руслан вернулся в ресторан для встречи, и нас провели в кабинет. Там пахло нагретым деревом и сигаретами Давида. Мадина стояла у стола, раскладывая перед Русланом Кайтаговым пухлую папку с логотипом «Кайгородов». Она положила ладонь на папку, показывая свежий маникюр, и улыбнулась Руслану.

— Вот наша чайная карта, господин Кайтагов. Разрабатывали годами. — Мадина развернула папку к нему и прикрыла часть листа пальцами. — Марьяна на мойке работает, если вы не знали. Её на заварку и пускать страшно: руки трясутся, всё роняет. Вам зачем такая сотрудница?

Папку он оставил Мадине. Вытащил сложенный лист, расправил ладонью и подвинул ко мне. Меня раздосадовало, что принёс свою бумагу: получается, заранее знал, зачем приходит. Я ещё не решила, соглашаться ли на разговор, а он уже готовился проверять.

— Три рецепта. Прямо сейчас. Под моим взглядом.

Мадина фыркнула: — Она не помнит! У неё руки трясутся от страха.

Руки действительно тряслись. Три рецепта я записала бы даже спросонья, но сейчас передо мной стояла Мадина со своей папкой. Завтра Давид покажет мой лист адвокату и скажет: вот, переписала из архива. Я задержала руку над лежавшей ручкой. Нужно было решить, что готова отдать, а что оставляю себе.

Я потянулась за ручкой, лежавшей на столе, но рука дрогнула, и чернила размазались по бумаге жирным пятном. Стыд обжёг щёки.

Он забрал ручку, пока я не испортила весь лист. Из внутреннего кармана достал платок и взял меня за кисть. Я вздрогнула: Давид недавно хватал так же. Но Руслан развернул ладонь

и стал стирать чернила. Осторожно проходил тканью между пальцами, проверял, не осталось ли пятно. Я забыла отнять руку.

Мадина перестала шуршать бумагами. Руслан придерживал мою ладонь, а я смотрела, как чернильное пятно переходит на его платок. Хотелось отдёргнуть руку — и не хотелось.

Он вернул мне ручку и наклонился так, что его губы оказались у моего уха. Шёпот был тихим, но режущим: — Пиши то, что готова показать мне. Имена сборов можешь не ставить. — Он подвинул лист обратно. — Я хочу видеть, как ты работаешь, а не слушать, что про тебя говорит Мадина.

Я посмотрела на пустой лист. Имена могу не ставить — значит, покажу работу, а не отдам ему папин сбор целиком. Записала первый рецепт. На втором почерк уже стал обычным, мелким; Мадина терпеть не могла такие строчки разбирать.

Дверь кабинета распахнулась с грохотом.

— Стоять!

Давид появился в дверях, дёрнул галстук и посмотрел на лист. Увидел написанное — сразу пошёл к столу, не спрашивая, о чём мы разговариваем. Я положила руку поверх рецептов. После ночи он всё ещё считал, что любой лист может просто отнять.

— Ты увела секреты семьи! — заорал он, бросаясь ко мне. — Отдай документы, Марьяна! Это наше имущество!

Его рука метнулась к моему запястью, пальцы сжались больно, оставляя белые следы на коже. Я попыталась дёрнуться, но он держал крепко, таща меня со стула.

Руслан не встал. Просто положил свою большую, тяжёлую ладонь на плечо Давида. И надавил.

Не сильно. Всего лишь обозначил вес.

Он остановился под ладонью Руслана, и хватка на моём запястье ослабла. Я перестала дёргаться. Давид смотрел на него снизу вверх, хотя ещё секунду назад кричал на весь кабинет. Объяснять право семьи теперь почему-то не торопился.

— Она со мной договаривается, Давид. Ты сейчас за руку держишь человека, которого я собираюсь взять на работу. Разожми пальцы. Жаловаться будем потом — если захочешь.

Давид разжал пальцы, будто обжёгся. Он попятился, споткнулся о порог и вылетел за дверь, хлопнув ей так, что затряслись стёкла в шкафах.

Глава 6

Я осталась сидеть, чувствуя, как колотится пульс в висках. Руслан забрал у меня листок, пробежал глазами по строчкам и кивнул.

• • •

Юрист Руслана принёс контракт через час. Страниц немного, зато на последней уже отвели место моей подписи. Я начала с первого пункта.

«Полное погружение», — гласил пункт 4. «Исполнитель обязуется проживать на территории отеля „Кайтагов“ до завершения контракта. О выходе за пределы отеля исполнитель уведомляет службу безопасности. Время консультаций определяется по согласованию сторон».

Слово «уведомляет» мне всё равно не нравилось. Я перечитала пункт дважды: уведомлять — не просить разрешения. Консультации по согласованию. Если позовёт ночью, могу отказать. После Давида даже такое право казалось подозрительным.

За окном облако закрыло вершину. На перевале я уже бывала и знала, как там холодно. Но там Давид не станет входить без стука и требовать кассу. Можно хоть раз заварить чай до конца, не бросая всё на его окрик.

Я положила ладонь на край документа. В контракте было моё имя, а не «жена владельца». Сумма рядом с ним заставила меня ещё раз проверить, сколько стоит моя работа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.